

«ЖРЁТ МЕНЯ С НЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СИЛОЙ ТОСКА»

Неопубликованные письма Григория Козинцева

Независимая газ. - 1994 - 18 авг. - с.5

Архив

ЛЕНИНГРАД 19.05.64 г.
Дорогая Нея Марковна, очень обрадовался Вашему письму, а то Вы вовсе пропали с моего горизонта, а этого мне совсем не хочется. Другой остался мало. Очень мне жаль, что Вы не приезжаете к нам. Во-первых: о ФЭКСе я мог бы (только Вам!) показать уже написанные вчерне главы, где этот период, надеюсь, честно описан. Ведь никаких материалов нет. Никто еще не писал, что это была за мастерская, чем там занимались и т.д.; дальше ничуть не существенных для нас (общих тогда для множества таких же групп) «манифестов» из сборника «Эксцентризмы» никто их историков кино не шел. Описывалась экзотика, а процесс все же целого коллектива (и актеров, и оператора, и художника) никогда не прослеживался, что называется, у истоков. Уверен, что, например, «мышлевуку», бродячих актеров, эксцентрические кадры роли Гамлета я бы никогда не сделал без опыта тех лет, не говоря уже о «Дон Кихоте».

Добин ничуть не виноват в «дрожжи», о которой Вы пишете. Он болен, а книга должна была выйти; издательство, вследствие уже не дрожи, а медвежьей болезни, потребовало вставок, иначе рассыпали бы набор. Вставки делал не Добин, ему их даже не показали, он лежал тогда с сердечными делами. Да и всю книгу он в основном написал еще до войны. Человек он — поразительный, умный, глубокий и удивительно хороший.

С открытием мастерской на Ленфильме — пока еще сам не знаю. Но если есть действительно интересные люди — напишите. Только умоляю: ответственно. Если бы я знал, что такие люди найдутся, — вероятно взялся бы. <...>

Пишите. Очень рад, когда приходит от Вас письмо.
Ваш Г.Козинцев

Ленинград 3.11.65. Милая Нея Марковна:

1) Мы Вас очень любим. И Вы у нас уже вроде родственника.
2) Ночью придумаю добавки:
А) О «Гамлете»
Работа над классическими произведениями не может быть трудом только одного человека. Это продолжение усилий поколений, развивающейся в споре национальной культуры: Шекспир приобрел в России еще со времен Пушкина, Беллинского и Герцена особые черты. Работа — в том числе и наш фильм — остается незаконченной. Если есть в ней жизненные черты, ее продолжат новые художники.

Я не люблю дубляжа. Озвученный фильм кажется мне лишенным сердца. Однако с «Гамлетом» произошло по-иному. В итальянском дубляже Энрико Мариа Салерно внес в роль новые черты; мне показались прекрасными песни безумной Офелии, исполняемые молодой артисткой Амэлией Марзалло. Но это был уже в какой-то части итальянский Шекспир. В немецком варианте вместе с Названовым отлично потрудился артист «Берлинер Ансамбля» (как его пишут?) Вольф Кайзер. Эти работы не напоминали дубляж: художники других наций не имитировали наших исполнителей, а включились в общую работу, внесли в фильм свой авторский труд.

Б) Просьба включить (может быть, в «Максима» или где идет разговор о коллективе) много труда внесли в эти фильмы и бывшие тогда нашими ближай-

шими помощниками И.Фрез (теперь известный режиссер детских фильмов), Н.Кошерева (постановщик «Золушки» и «Укротительницы тигров») — эти люди выросли в нашей мастерской.

И как можно пышнее о Енее. Чтобы все это было, как говорил Эйзенштейн, «сзади». И ничто не омрачало светлый горизонт нашей древней дружбы (старейший производственный-пензионер передает опыт пионерке).

Если упоминать учеников, то кроме «немного периода»:

Э.Рязанов, В.Катанян, Стасик (тот самый), артисты В.Ивашов, Л.Марченко (та самая!). А может быть, и нет общественного интереса во всех этих перечислениях? Salut!

Г.К.

25.04.66. Дорогая Нея Марковна, посылаю Вам все сочинения. Только, пожалуйста, предупредите нашего продюсера, что мне обязательно нужны будут гранки. Я не буду много переделывать, но некоторая редакция необходима.

Может быть, мне написать Кацману с просьбой Вас командировать в Ленинград?..

Ваша книга — две книги. Первая — очень сильная и глубокая работа, перерастающая кановедение — заканчивается Райзманом; вторая — хороша киноведческая, но в ней, сравнительно с первой, Вы изменили мерил. И эстетические, и нравственные.

Если бы Вы мне прислали одну вторую книгу — я бы Вас от души поздравил. Так что дело не в том, что она неудачна, а в какой-то допущенной Вами диспропорции оценок. Это — сложная материя, поговорим при встрече.

Привет и самые добрые пожелания. Очень буду рад Вас повидать.
Г.Козинцев

«Про себя скажи»
«От такого же слышу»
(народная мудрость)

Дорогой друг и товарищ по Бюро пропаганды Сов. киноискусства!

Ваше милое письмо, полное яда и злобного ехидства, получил. Что касается Первоуральска и Вашей туда поездки (по, как Вы пишете, рекомендованному мною маршруту), то как же Вы не заглянули заодно и рядом, где, кажется, снимался любезный Вашему сердцу фильм («Жили-были старик и старуха, и золотая рыбка Нея»)? Не буду защищать социализм от экивоков переперевазанной рогриевщины и отрывки киноматериала. Теперь о деле. Знаете ли Вы, что Верка Х. ¹² ожила, налилась

Григорий Козинцев в своем Эльсноре (на съемках фильма «Гамлет»).

как яблочко, живет и процветает, сердечная.

Видели ли Вы «Цыган»? Уверю Вас — это дивный эпизод для Вашей книги. Ей-Богу, оно!..

Я плакал на сеансе: вспомнил бабушку, золотое детство, «Цыганку Азу» в малороссийской трупе на киевских контрактах. И все как живое, будто всей этой модерняги и на свете не было.

Кроме этого — самого сильного впечатления в 1968 г. — есть еще кое-что необходимое для обмена мнениями и полезной информацией. Не приехать

статью Ханютина, ¹⁵ где, походя, он выливает на меня помой, помяная «Пирогова» и «Белинско-го». Никакого ущерба этим он мне, разумеется, не наносит. Но стало очень противно. Потому что пишет это Ханютин. Фильмы, конечно, очень плохие. В «Глубоком экране» я подробно описываю, как они ставились; если помните, и в нашем с Вами диалоге я говорил об этом. Человеку, занимающемуся историей кино того времени, видимо, и без моих объяснений — «материал» известен. Можно — если есть охота — опять поднять эти дела. Тогда критик обязан прочесть хотя бы первые варианты сценариев («Белинско-го» их было пятнадцать), протоколы Большого Худ.совета под председательством Ильичева, требования переделок, запрещения фильма с соответствующими мотивировками и т.п.

Изящно обойдя все это, ставить меня в ряд с теми, кто счастлив был именно так и работать, — нечестно.

На такое у нас не обижаются: это я знаю. Дело житейское: человек получает зарплату, должен сдавать листаж, примеры подбираются те, что попались под руку... и т.п. Подумаешь, великое дело!.. Но уж очень противно, что то, что было для меня горем, тяжелой болезнью, от которой я так толком и не оправился, становится предлогом для плеванья похода.

Хватит об этом. Напишите, как живете, и пусть все у Вас будет в порядке.
С дружбой.
Г.К. 4.11.67¹³

9.03.69 г. Милый друг Нея!
Вы куда-то разом пропадаете, и я начинаю волноваться: что с Вами.

Я с нечеловеческим трудом воздвигаю свою вавилонскую башню, и все поглядываю, не валится ли она уже на мою голову?

В сборнике, который Вы любезно прислали, я обнаружил

как яблочко, живет и процветает, сердечная.

Видели ли Вы «Цыган»? Уверю Вас — это дивный эпизод для Вашей книги. Ей-Богу, оно!..

Я плакал на сеансе: вспомнил бабушку, золотое детство, «Цыганку Азу» в малороссийской трупе на киевских контрактах. И все как живое, будто всей этой модерняги и на свете не было.

Кроме этого — самого сильного впечатления в 1968 г. — есть еще кое-что необходимое для обмена мнениями и полезной информацией. Не приехать

статью Ханютина, ¹⁵ где, походя, он выливает на меня помой, помяная «Пирогова» и «Белинско-го». Никакого ущерба этим он мне, разумеется, не наносит. Но стало очень противно. Потому что пишет это Ханютин. Фильмы, конечно, очень плохие. В «Глубоком экране» я подробно описываю, как они ставились; если помните, и в нашем с Вами диалоге я говорил об этом. Человеку, занимающемуся историей кино того времени, видимо, и без моих объяснений — «материал» известен. Можно — если есть охота — опять поднять эти дела. Тогда критик обязан прочесть хотя бы первые варианты сценариев («Белинско-го» их было пятнадцать), протоколы Большого Худ.совета под председательством Ильичева, требования переделок, запрещения фильма с соответствующими мотивировками и т.п.

Изящно обойдя все это, ставить меня в ряд с теми, кто счастлив был именно так и работать, — нечестно.

На такое у нас не обижаются: это я знаю. Дело житейское: человек получает зарплату, должен сдавать листаж, примеры подбираются те, что попались под руку... и т.п. Подумаешь, великое дело!.. Но уж очень противно, что то, что было для меня горем, тяжелой болезнью, от которой я так толком и не оправился, становится предлогом для плеванья похода.

Хватит об этом. Напишите, как живете, и пусть все у Вас будет в порядке.
С дружбой.
Г.К. 4.11.67¹³

9.03.69 г. Милый друг Нея!
Вы куда-то разом пропадаете, и я начинаю волноваться: что с Вами.

Я с нечеловеческим трудом воздвигаю свою вавилонскую башню, и все поглядываю, не валится ли она уже на мою голову?

Григорий Михайлович Козинцев (1905—1973), один из корифеев отечественного экрана, признанный еще при жизни классиком мирового кино, был, как известно, блестящим литератором и глубоким исследователем искусства. Его творческое наследие содержит не только шедевры кинорежиссуры (вспомним фильмы «Чертово колесо», «Шинель», «Новый Вавилон», снятые вместе с Л.З.Траубергом в 1920-х, знаменитую трилогию о Максиме, классические экранизации «Дон Кихота», «Короля Лира» и особенно «Гамлета» с блистательным Смоктуновским в главной роли), но и обширный корпус литературных текстов, не уместившихся даже в посмертно изданное пятитомное собрание сочинений (Ленинград, «Искусство», 1982—1986). Это — автобиографические и одновременно теоретические книги «Глубокий экран» и «Пространство трагедии», выдающееся исследование «Наш современник Вильям Шекспир», киносценарии, статьи о киноискусстве и театре, дневники. Публикации материалов обширного личного архива мастера, осуществленные в последние годы его вдовой В.Г.Козинцевой, раскрывают все новые грани его исключительной личности, этого «интеллигентнейшего и умнейшего человека», как пишет о Козинцеве в своей недавно вышедшей книге «Тени зазеркалья» Алла Демидова и как считали все, кому судьба даровала счастье общения с ним.

Важное место в литературном наследии Козинцева занимает переписка. Приемник эпистолярной культуры XIX — начала XX века, Григорий Михайлович переписывался с множеством самых разных людей. Среди его корреспондентов Сергей Эйзенштейн, Дмитрий Шостакович, Питер Брук, Андрей Тарковский, Сергей Юткевич, Александр Аникст и целый ряд других выдающихся деятелей культуры, а также — друзья, коллеги, ученики, а порою и вовсе незнакомые зрители, ученые, авторы книг и статей, привлечших внимание Григория Михайловича, — для всех он, загрузивший собственной работой, ухитрялся находить и время, и необходимые слова. Среди адресатов его и автор настоящей публикации — критик, искусствовед, историк кино и театра.

Я знала Григория Михайловича: он дружил с моим отцом, историком, профессором МГУ М.С.Зорким, погибшим в Московском ополчении осенью 1941 года. Начиная с 1950-х годов и вплоть до кончины Козинцева — мне посчастливилось работать с ним над интервью для газет и журналов, репортажами со съемок и т.д. К этому же двадцатилетию относится и переписка — около ста его писем. Нескольким было опубликовано в 5-м томе Собрания сочинений (1986), остальные хранились, ожидая своего часа. Перед вами — первая публикация. Развернутая подборка готовится для журнала «Родина».

Из писем я выбрала те, которые касаются темы ответственности за печатное слово, на мой взгляд, весьма актуальной сегодня, в пору нашей фельетонистско-журналистской разнузданности. Козинцев относился к любой публикации с огромной взыскательностью, будь то проходное интервью или пересказ выступления с трибуны, — это отражается в письмах, полных доброты, человечности и великодушного юмора. Так, например, Григорий Михайлович любил посылать всякие забавные коллажи, открытки, рисунки.

Принадлежавший к так называемой «привилегированной художественной элите», счастливо избежавший ГУЛАГА, куда попали многие его близкие и друзья, награжденный всеми званиями и орденами, Козинцев, тем не менее, испытал на себе всю тяжесть тоталитарной дубинки. Его ранние немые фильмы и руководимая им «Фабрика эксцентрического актера (ФЭКС)» долгие годы шельмовались за «формализм». Печально знаменитое постановление ЦК «О кинофильме «Большая жизнь» нанесло жестокий удар и по его с Траубергом фильму «Простые люди», подвергло его остракизму. Письма Козинцева и в этом смысле — документальное свидетельство горькой эпохи.

Нея ЗОРКАЯ

Вашу толстую редакторшу. Только ради Бога никому не говорите, чтобы не дошло до Каплера¹⁴; он ведь желал мне всяческого добра, а что вышло?.. Невыносим вид человека, которого хвалят в глаза (вернее, в печальную, занудную физиономию), а он сидит, слушает это. Потом показывают черт знает что (теперь я понял, что они пересняли отрывок из фильма на видеозапись — или как эта дрянь называется?): ни черта не видно, слышно только озвучание, выходит непереносимая фальшь. И это — в среде между комплиментами!!!

Сгореть можно от того, как стыдно.

К чему я Вам пишу все это (думаю, что посыплются ругательные — и справедливо — письма): не вышло ли того же из моих текстов про Ярвета?¹⁵ Я не умею все такое делать. Особенно теперь: хорошо понимаю, что плохо, сделать хорошо не выходит, а вот стыдиться научился как следует быть. На коленях умоляю: если то, что я болтал про Ярвета, имеет лишь пустой комплиментарный характер, оставьте немного, очень прошу. Я теперь по многим причинам не в ораторской форме.

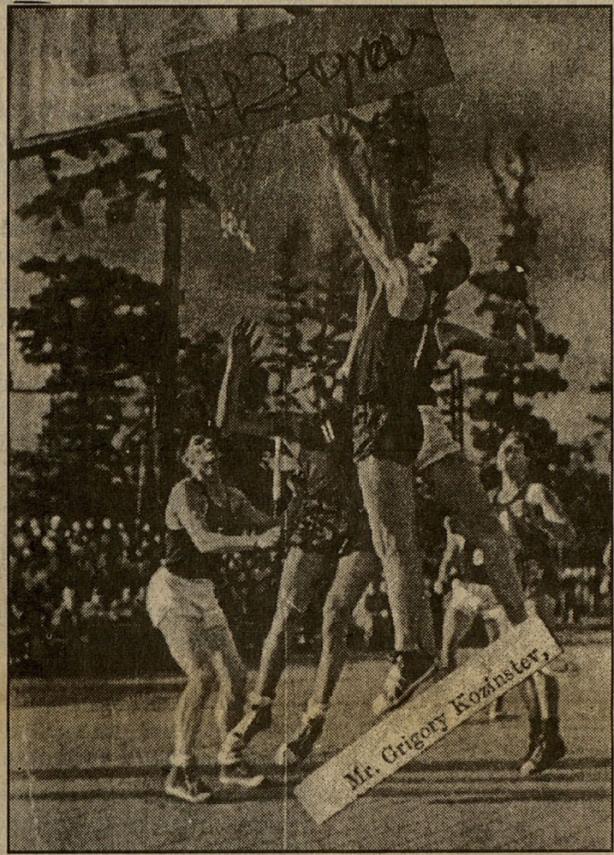
Вот какое невеселое письмо с нарзанных мест.²⁰

Г.

Приписка В.Г.Козинцевой:
Неечка, дорогая! Хотя мы здесь уже четыре дня, нервы у нас еще не окрепли, а сегодняшняя панорама ввергла Гришу в отчаяние и мрак, как в самые лучшие времена в Ленинграде...

2.06.72. Нея, друг, что делать? Жрет меня с нечеловеческой силой тоска. Чем пышнее антураж, тем она, стерва, меня отчаяннее ложет. От всего этого Тьеполо со структуралистами²¹ у меня стало так мутно на душе, что ни одной мысли собрать не могу. Сажу за столом, как полный бабда, и все валится на кусочки и кажется мне ни гроша не стоящим.

Появилась охота похерить всю эту затею с «Пространством трагедии». Стало мне скучно про все это писать. Получа-

Коллажи-открытки Григория Козинцева.

ется «по второму кругу». Сама затея оказалась вздорная. Нельзя писать «на основе» дневников. Или сейчас, только что написано, или — обдуманное, выстроенное. Не выходит; пробую ловчить то похабно-кокетливой ассоциацией, то, испугавшись, что будет скучно, дуо «из быта киносьеомок». Срам.

Где-то копошится (на задних планах) что-то новое; но понятнее это только мне, и до «жемчужного зерна» еще далеко.

Вот как все неладно. А люди делают. И как. Удивительно хорошо «Декамерон» Пазолини. Ничего; ни тем, ни ходов, ни ассоциаций. Одно

только счастье искусства под названием «итальянское». Все — чудо. Лицо — чудо. Воздух — чудо. А чудес вовсе нет. Просто так люди естественно (это у Пазолини!) живут, занимаются любовью, когда приходит охота (я не видел ничего более открытого и менее «сексуально-го»). А показывает это художник, у которого в самой крови то искусство Италии. Лица не «под живопись», а на уровне ее, той живописи. А завтра (или уже сегодня) он снимает что-то иное. Чепуха это все — не выстарданные, а вымученные картины, книги. Увы. Пишите, не забывайте. Г.

Из последнего письма — от 2.03.1973 г.:

... Мы живем в Кисловодске, где и будем, видимо, до 23 марта. Хорошо бы от Вас получить что-нибудь задушевное, чтобы мы знали, что все же настанет день и мы обязательно увидимся, и произойдет это еще до того, когда мы будем сидеть на облаке и играть на арфах песни Моти Блантера, торжественный вечер в честь кого мы видели на телевизоре.

Новости? Пошло в печать «Пространство трагедии» — я там многое переделал сравнительно с журналом. Пишу «Гоголиаду» и еще разные сочинения. Работаю много, но толка пока мало. Выписывается, помоему, занятая статья на тему: почему же Шекспир бросил поэзию и театр? Пока самому интересно думать и писать...

Через два месяца Г.М.Козинцев тяжело заболел (сердце) и скончался 11 мая 1973 года.

1. Речь идет о рукописи книги «Глубокий экран».
2. Сцены из фильма «Гамлет».
3. Добин Ефим Семенович (1901—1977) — кинокритик, литературовед, автор книги «Козинцев и Трауберг», Л.—М., 1963.

4. Кинорежиссерская мастерская Г.М. Козинцева была открыта в 1965 г.

5. О рукописи книги «Рассказ о творческом пути. Народный артист СССР Г.Козинцев». М., БПСК, 1967.

6. М. Названов играл короля Клавдия.

7. Е.Еней — кинохудожник.

8. Ростоцкий Станислав Иосифович, кинорежиссер.

9. Н.Зоркая. «Портреты». М., 1966. Часть первая: «Кулешов, Эйзенштейн, Протазанов, Райзман»; часть вторая: «Ромм, Чухрай, Худиев».

10. Поездка с лекциями о кино. Речь о съемках фильма Г.Чухрая.

11. Роб-Грийе Ален — лидер французского «нового романа». «Синема-верите» — течение французского кино 60-х годов.

12. Шуточное козинцевское прозвище Веры Холодной, над которой об актрисе работала тогда Н.Зоркая.

13. Описка Козинцева — дата расходится с годом, указанным в тексте письма.

14. Съемки фильма «Король Лир».

15. Ханютин Юрий Миронович (1929—1978) — кинокритик, сценарист. В дальнейшем у него установились добрые отношения с Г.М., вместе с М.Туровской он стал сценаристом фильма «Час с Козинцевым» (реж. А.Стефанович).

16. Иличев Л. — секретарь ЦК КПСС.

17. Год в письме не указан — 1971.

18. Каплер Алексей Яковлевич (1904—1979) — кинодраматург, в ту пору ведущий телевизионной «Кинопанорамы».

19. Ярвет Юри Евгеньевич — артист, исполнитель роли короля Лира.

20. Письмо из Кисловодска.

21. Речь идет о сессии в г.Венеция, посвященной ФЭКСу, на которой присутствовал Г.М.Козинцев. Тьеполо Джованни-Батиста (1696—1770) — итальянский художник.

22. Главы книги «Пространство трагедии» публиковались в 1973 году в журнале «Искусство кино».

Публикация и примечания Неи ЗОРКОЙ